

ДЕЛА ЛЮБВИ

II ТОМ

Сёрен Кьеркегор

Сёрен Кьеркегор

Дела любви. Том II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69423271

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга датского писателя Серена Кьеркегора "Дела любви" никогда не переводилась на русский язык, хотя была написана в 1847 году. Эта книга не только не потеряла своей актуальности, но в наше время постмодерна приобрела еще большую актуальность – ведь сегодня о любви говорят как о чём-то устаревшем, или даже несуществующем, и поэтому люди разучились любить! Но Бог всё так же любит человека, и всё так же стучится в наше сердце, чтобы мы впустили Его и открылись для свежего потока Его любви, и сами стали любящими! Если вы хотите узнать, что такое настоящая, искренняя и непреходящая любовь, услышать среди многоголосья иллюзий тихий голос Бога, читайте эту книгу так, как будто они обращается именно к вам! Желаю Вам приятного прочтения, надеюсь, Бог изменит Вашу жизнь так же, как изменил мою!

Содержание

Глава 1 Любовь назидает	4
Глава 2 Любовь всему верит – и всё же никогда не обманывается	31
Глава 3 Любовь всего надеется – и всё же никогда не постыдится	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сёрен Кьеркегор

Дела любви. Том II

Глава 1 Любовь назидает

«А любовь назидает»[1]. 1 Коринфянам 8:1

Вся человеческая речь, даже божественная речь Священного Писания о духовном, метафорична. И это вполне справедливо в отношении бытия вообще, поскольку человек, хотя он и является духом с момента своего рождения, лишь позднее осознает себя духом, а значит, чувственно он уже прожил определённый период своей жизни до духовного пробуждения. Но этот первый период не следует отбрасывать при пробуждении духа, так как пробуждение духа не провозглашает себя чувственным и душевным в противовес чувственному и душевному. Именно этот первый период захватывается духом и таким образом используется, таким образом берется за основу и становится метафоричным. Поэтому духовный и душевный человек в определённом смысле говорят одно и то же. И все же между ними существу-

ет бесконечное различие, так как последний не знает тайны образного выражения, хотя и употребляет то же самое слово, но не метафорически. Между ними существует огромное различие: один из них совершил переход или позволил перенести себя на ту сторону, в то время как другой остается на этой стороне, и всё же их объединяет то, что они оба используют одно и то же слово. Тот, в ком пробудился дух, не покидает видимый мир, он по-прежнему, хотя и сознаёт себя духом, всегда находится в видимом мире и сам он действительно видим. Так он продолжает использовать тот же язык, только он становится метафоричным. Но метафорическое выражение – это не совершенно новое слово; наоборот, это обычное слово, осмысленное духовно. Как дух невидим, так и язык его – тайна, и тайна именно в том, что дух использует те же слова, что и ребёнок и обычный человек, но использует их в переносном смысле, тем самым дух отрицает себя как чувственного и душевного, но не отрицает это чувственным и душевным образом. Разницу здесь трудно заметить. Именно поэтому мы справедливо считаем признаком ложной духовности выставлять напоказ бросающееся в глаза различие, являющееся признаком чисто чувственного, тогда как сущность духа – это тихий шёпот тайны метафорического – для того, кто имеет уши, чтобы слышать.

Одно из образных выражений, наиболее часто используемых в Священной Писании, или одно из слов, которое в Свя-

ценном Писании наиболее часто используется в переносном смысле – это строить, созидать. И это действительно так – да, очень важно видеть, как Священное Писание не устаёт от этого слова, как оно духовно не желает перемен и новых оборотов и выражений, а напротив: то, что есть истинное существо духа, преобразует мысль в том же самом слове. Да, так назидательно видеть, как Священное Писание, используя простое слово, может указать на самое высокое и глубокое: это как чудо насыщения множества народа малым количеством еды, которое, однако после благословения стало настолько обильным, что все насытились и ещё осталось[2]. И так назидательно, если человек вместо того, чтобы торопиться совершать новые открытия, которые поспешно вытесняют старые, будет смиренно довольствоваться словами Писания, с искренней благодарностью принимая традиции ранних отцов, заново знакомиться – со старыми знакомыми. В детстве мы часто играли в «незнакомца», воистину, в духовном понимании это именно серьёзность – всерьёз продолжать эту назидательную шутку: играть в «незнакомца» со старым знакомым.

Созидать – образное выражение; однако теперь, помня об этой тайне духа, мы посмотрим, что это слово означает в обычном употреблении. Слово «созидать» образовано от глагола «строить» [at bygge] и приставки «над» [op], на последнем, следовательно, должен стоять акцент. Каждый, кто созидает, строит, но не каждый, кто строит, созидает. На-

пример, если человек строит флигель у своего дома, мы не говорим, что он созидает флигель, но говорим, что он пристраивает. Кажется, что это «над» указывает направление в высоту, направление вверх. Однако это не так. Если человек к зданию высотой в тридцать локтей добавляет ещё десять локтей, то мы не говорим, что он созидает дом на десять локтей, мы говорим, что надстраивает. Теперь уже видно, что значение слова не зависит от высоты. Напротив, если человек строит дом, пусть невысокий и маленький, но с нуля, то мы говорим, что он созидает дом. Следовательно, созидать значит строить что-то с нуля. Это «ор», вероятно, указывает на направление в высоту; но на высоту, обратную глубине, мы говорим «созидать». Так что если человек созидает в высоту и с нуля, но глубина под землёй не соответствует высоте, то в этом случае, конечно, говорят, что он созидает, но плохо, хотя «плохо строить» – это нечто иное. Таким образом, в строительстве делается особый акцент – строительстве с нуля. Мы не называем строительство с нуля созиданием, мы не говорим, что созидаем колодец. Но если мы говорим о созидании – то каким бы высоким или низким ни было здание, работа должна вестись с нуля. Поэтому мы можем сказать, что человек начал созидать дом, но не закончил. Наоборот, как бы он ни увеличивал он здание в высоту, мы никогда не скажем, что человек созидает его, если оно строилось не с нуля. Как странно! Это «ор» в слове «созидание» означает высоту, но высоту как обратную глубине, ибо сози-

дать – значит начинать с основания. Поэтому Писание говорит о безрассудном человеке, который строил без основания; но о человеке, который слушает Слово для истинного назидания, или, говоря словами Священного Писания, которые слушает Слово и исполняет его, оно говорит, что он подобен человеку, строящему дом, который «копал глубоко»[3]. Когда пришло наводнение и обрушилась буря на этот надёжно построенный дом, то мы все радуемся назидательному зрелищу, что буря не могла его поколебать. Увы, в созидании, как было сказано, всё зависит от того, насколько прочно он стоит на основании.

Похвально, если человек, прежде чем начать строительство, обдумает, «как высоко он сможет построить башню»[4], но если он решит строить, то пусть он наконец позаботится о том, чтобы копать глубоко; ибо если бы башня достигала и до облаков, но не стояла на прочной основе, на самом деле она бы не была построена. Строить без основания невозможно, ибо это будет строительство в воздухе. Поэтому мы говорим грамматически правильно – «строить воздушные замки»; но не «созидать воздушные замки», что было бы небрежным и неправильным употреблением слова. Ведь даже в бессмысленном выражении между отдельными словами должно быть соответствие, которого нет между словами «в воздухе» и «созидать», так как первое означает «без основания», последнее – «на основании»: такое сочетание было бы

ложным преувеличением.

Этим объясняется выражение «созидать» в простом быденном языке. Теперь вспомним, что это образное выражение, и перейдём к предмету размышления:

Любовь назидает

Но является ли слово «назидание» в духовном понимании настолько характерным словом для любви, что оно принадлежит исключительно ей? Что касается слова, то вполне может существовать множество объектов, которые в равной или даже в разной степени претендуют на это самое слово. Если так обстоит дело с «назиданием», то было бы неправильно подчёркивать это в отношении любви, особенно как это делает размышление, ибо было бы недоразумением навязать любви предположение, будто она желает присвоить исключительно себе то, что она делит с другими, – а любовь как раз готова делиться с другими, так как она «не ищет своего»[5]. Воистину, «назидание» присуще исключительно любви; но, с другой стороны, это свойство «назидания» обладает той особенностью, что оно может жертвовать собой во всём, присутствовать во всём – как и любовь. Таким образом можно увидеть, что любовь в этом своём своеобразном

свойстве не обособляется и не кичится своей независимостью и осторожностью по сравнению с другими, но отдаёт себя полностью: особенность её как раз в том, что она обладает исключительным свойством отдавать себя полностью. Нет ничего, просто ничего, что можно было бы сделать и сказать назидательно; но что бы это ни было, если это назидательно, то в этом участвует любовь. Поэтому именно там, где увещание само признаёт трудным установление определённого правила, оно гласит «делайте всё для назидания»[6]. С таким же успехом можно было бы сказать «делайте всё с любовью», и это означало бы то же самое. Один человек может сделать прямо противоположное другому, но если каждый из них делает противоположное, но в любви, то это противоположное становится назидательным. В языке нет ни одного слова, которое было бы назидательным само по себе, и нет в языке слова, которое не было бы сказано назидательно и не стало бы назидательным, если присутствует любовь. Вот почему неправильно (увы, это просто недоброе и вызывающее разногласие заблуждение), что назидание – привилегия отдельных одарённых людей, как например в искусстве, поэзии, красоте и прочем, напротив, каждый человек своей жизнью и своими действиями, своим поведением в повседневной жизни, своим общением с простыми людьми, своими словами и выражениями должен и может назидать, и будет это делать, если в нём действительно живёт любовь. Мы и сами замечаем это, ибо мы употребляем слово «назидание» в самом ши-

роком смысле; но мы можем не осознавать, что используем его только там, где речь идёт о любви. Но это и есть правильное использование языка: быть осторожным, чтобы не использовать это слово без связи с любовью и в этом ограничении снова сделать сферу его применения неограниченной, ибо всё может быть назидательным в том же смысле, в каком любовь может быть везде. Таким образом, когда мы видим, как одинокий человек с достойной похвалы бережливостью с трудом обходится малым, то мы почитаем и хвалим его; мы радуемся; мы утверждаемся в благости этого зрелища, но мы не называем это назидательным. С другой стороны, когда мы видим, как мать, у которой много заботит, благодаря бережливости и мудрой экономии с любовью умеет благословить малое, чтобы хватило на всех: тогда мы говорим, что это назидательное зрелище. Назидательное в том, что одновременно с почитаемой бережливостью и экономией мы видим любящую заботу матери. Напротив, мы говорим, что это мало назидательно, что это печальное зрелище – видеть того, кто голодает посреди изобилия, и у которого, однако, совсем ничего не остаётся для других. Мы говорим, что это ужасное зрелище, мы испытываем отвращение к его роскоши, мы содрогаемся при мысли об ужасной мести за стремление к наслаждению – голодать в изобилии; но то, что мы тщетно ищем хотя бы малейшего проявления любви, подтверждает, что оно мало назидательно.

Когда мы видим многочисленную семью, ютившуюся в маленькой квартире, и тем не менее это уютная, гостеприимная, просторная квартира, мы говорим, что это назидательное зрелище, потому что видим любовь, которая живёт в людях и в каждом из них, поскольку одного нелюбящего было бы достаточно, чтобы занять всё пространство; мы говорим это, потому что видим, что там, где есть уютная комната в сердце, всегда есть уютная комната в доме. И с другой стороны, так мало назидательно видеть, как беспокойный дух обитает во дворце, не находя покоя ни в одной из многочисленных комнат, и, однако, не имея возможности обойтись без самой маленькой кабинки. Да и что может не быть назидательным! Мы не считаем назидательным вид спящего человека. А вот если вы увидите спящего у материнской груди ребёнка – и увидите любовь матери, увидите, что она как будто только и ждала и теперь ловит момент, пока ребёнок спит, чтобы поистине порадоваться этому, потому что едва ли она осмелится дать ребёнку понять, как невыразимо она любит его: тогда это становится назидательным зрелищем. Если же любовь матери не проявляется, если вы тщетно ищите в выражении её лица увидеть хоть малейшее проявление радости материнской любви или заботы о ребёнке, если вы видите только бесстрастное безразличие, как будто она была бы рада избавиться от ребёнка: тогда это зрелище не назидательно. Видеть спящего ребёнка само по себе – приятное, отрадное и успокаивающее зрелище, но оно не назидательно.

Если вы хотите назвать всё назидательным, то это потому, что вы видите присутствующую повсюду любовь; потому что вы видите парящую над ребёнком любовь Бога. Видеть, как великий художник завершает свой шедевр – это великолепное, воодушевляющее, но не назидательное зрелище. Предположим, что этот шедевр был чудом – и художник из любви к людям разорвал бы его на части, тогда зрелище было бы назидательным.

Где есть назидание, там и любовь; и где есть любовь, там и назидание. Поэтому Павел говорит, что человек без любви, хотя и говорит языками человеческими и ангельскими, как медь звучащая или кимвал звенящий[7]. Что может быть менее назидательным, чем звенящий кимвал? Мирское, каким бы славным и громким оно ни было, всё же не имеет любви и потому не назидательно; самое незначительное слово, малейшее дело с любовью или в любви – назидательно. Поэтому знание надмевает. И всё же знание и передача знания тоже могут быть назидательными; но это только потому, что в этом участвует любовь. Хвалиться собой кажется мало назидательным, но и оно может быть назиданием. Разве Павел иногда не делал этого? Но он делает это в любви и потому, как он сам говорит, «в назидание»[8]. Поэтому это самая пустая речь о том, что может быть назидательным, поскольку всё может быть таковым; самая пустая – увы, как и самое ужасное обвинение миру – что видим и слышим так

мало назидательного. Если богатство встречается редко – это не имеет значения; в конце концов, мы скорее предпочитаем видеть всеобщее благополучие. Если шедевр можно увидеть редко, что ж, то в определённом смысле это всё равно и, вобщем-то, большинству людей это всё равно. Иначе обстоит дело с назиданием. В каждое мгновение живет бесчисленное множество людей; возможно ли, что всё, что делает каждый человек, всё, что каждый человек говорит, может быть назидательным: но увы, так редко можно увидеть или услышать что-нибудь назидательное!

Любовь назидает. Давайте теперь рассмотрим то, о чём мы говорили во введении, тем самым сразу же оградили себя от опасности впасть в заблуждение, выбирая непреодолимую задачу, поскольку назидательным может быть всё. Созидать – значит строить на каком-то основании. В простом рассказе о доме, здании каждый знает, что понимают под основой и фундаментом. Но что в духовном понимании есть основа и фундамент духовной жизни, несущий здание? Это именно любовь; любовь – источник всего, а в духовном понимании любовь – это глубочайшая основа духовной жизни. В духовном понимании надёжный фундамент заложен в каждом человеке, в котором живёт любовь. И здание, которое в духовном понимании должно быть возведено, опять же любовь; и именно любовь строит. Любовь созидает, а это значит, что любовь строит вверх. Таким образом, задача огра-

ничена: речь не растекается на единичное и множественное, не начинает сбивчиво с чего-то, что ей придётся произвольно где-то прервать, чтобы закончить; нет, она концентрируется и привлекает своё внимание на главное, на единое во всем его многообразии. Речь от начала и до конца идёт о любви именно потому, что созидание – самая характерная черта любви. Любовь – это фундамент, любовь – это здание, и любовь – это строитель. Созидать – значит созидать любовь, и созидает – любовь. Действительно, мы иногда говорим о созидании в более общем смысле; в противовес порочности, которая только разрушает, или в противовес беспорядку, который только разрушает и разделяет; о том, что созидает умный человек – который умеет управлять и руководить, который так хорошо умеет обучать своему ремеслу, мастер своего дела. Каждый такой строитель строит, а не разрушает. Но всё это созидание в познании, в мудрости, в умении, в честности и так далее всё же не является созиданием в самом глубоком смысле, поскольку оно не созидает любви. Ибо с духовной точки зрения любовь – это фундамент, а созидать – это строить на этом фундаменте.

Поэтому, когда речь идёт о деянии любви в созидании, то это означает либо то, что любящий вкладывает любовь в сердце другого человека; либо то, что любящий предполагает, что любовь есть в сердце другого человека, и на благодаря этому созидает в нём любовь – с основания, поскольку

он предполагает её в основании. Одно из этого должно быть созиданием. Но может ли один человек вложить любовь в сердце другого? Нет, это сверхъестественные, немислимые отношения между человеком и человеком, в этом смысле человеческая любовь не может созидать. Именно Бог, Творец должен вложить любовь в каждого человека, Тот, Кто Сам есть Любовь[9]. Поэтому совершенно не хорошо и отнюдь не назидательно самонадеянно воображать, что можно создать любовь в другом человеке; всякое деятельное и самолюбивое усердие в этом не созидает любви и само по себе не назидает. Первое условие созидание тогда немисливо, поэтому мы должны подумать о втором. Таким образом, мы получили объяснение того, что значит любовь созидает, на котором и остановимся: любящий предполагает, что любовь находится в сердце другого человека, и именно этой предпосылкой он созидает в нём любовь – с самого основания, поскольку он предполагает, что она существует в основании.

Речь не о том, что любящий, желающий назидать, должен сделать, чтобы изменить другого человека или заставить его любить, но о том, как любящий назидательно заставляя себя. Вот это уже назидательно видеть, как любящий назидает, заставляя себя. Только нелюбящий думает, что может созидать, заставляя другого; любящий всегда предполагает, что любовь присутствует, именно этим он созидает. Строитель мало задумывается, какие камни и гравий нужны для строи-

тельства, учитель предполагает, что ученик невежественен, воспитатель – что другой человек испорчен, но у любящего, который созидает, есть только один путь – предполагать в другом человеке любовь; всё, что ему постоянно приходится делать – так это заставлять себя предполагать любовь. Таким образом он вызывает добро наперёд, привлекает к любви, он созидает. Ибо любить можно единственным способом – любить наперёд; любить наперёд – значит созидать. Но любить наперёд – значит предполагать, что она присутствует в основании. Поэтому человека может искушать желание стать строителем, учителем, стать воспитателем, потому что кажется, что можешь властвовать над другими; но созидание, как это делает любовь, не может искушать, ибо это означает служение; поэтому любовь имеет желание созидать только потому, что она готова служить. Строитель может показать свою работу и сказать: «это моя работа», учитель может показать своего ученика, но любви, которая созидает, ничего показать, ибо её работа состоит только в предположении.

Опять же, это очень назидательно. Предположим, что любящему удалось построить любовь в другом человеке; и когда здание уже стоит, любящий стоит в стороне и смущаясь, говорит: «Я всегда это предполагал» – увы, у любящего совсем нет никакой заслуги. Здание любви не похоже на памятник искусству мастера-строителя или на ученика, помнящего о наставлениях учителя; любящий ничего не сделал,

он лишь предполагал, что в основе лежит любовь. Любящий работает так тихо и торжественно, и между тем силы вечности приходят в движение. Любовь смиренно остается незамеченной именно тогда, когда она работает больше всего, да, её работа выглядит так, будто она вообще ничего не делает. Увы, для занятости и мирской суеты – это величайшая глупость, что в каком-то смысле вообще ничего не делать – это самая тяжёлая работа. И все же это так. Ибо управлять собой труднее, чем завоевать город [10], и созидать, как это делает любовь, труднее, чем выполнять самую чудесную работу. Если так трудно по отношению к себе управлять своим духом, как же трудно тогда по отношению к другому человеку полностью уничтожить себя, и при этом всё сделать и всё выдержать! Если и трудно начать без предпосылки, но труднее всего – начать созидание с предпосылки, что любовь есть, и этой же предпосылкой и закончить, так что весь труд как бы обесценивается, потому что предпосылкой прежде всего является самоотречение или то, что мастер-строитель сокрыт и является ничем. Поэтому можно было бы сравнить созидание любви с тайным действием природы. Пока человек спит, силы природы не дремлют ни ночью, ни днём: никто не думает, как они выдерживают – но все радуются красоте луга и плодородию поля. Так же ведёт себя и любовь; она предполагает, что любовь присутствует, как зародыш в зерне, и если ей удастся заставить его расти, тогда она скрывается, она сокрыта, как она была сокрыта всё это время. Однако именно

это назидательно в природе: вы видите всё это великолепие, и затем назидаетесь, если случайно задумаетесь о том, как удивительно, что вы совсем не видите Того, Кто это создал. Если бы вы могли видеть Бога плотским оком, если бы Он, если можно так выразиться, стоял рядом и говорил: «Я Тот, Кто создал всё это»: тогда бы назидание исчезло.

Любовь созидает, предполагая присутствие любви. Таким образом один любящий назидает другого, и достаточно легко предположить любовь там, где известно, что она присутствует. Увы, но любовь никогда не присутствует в полной мере ни в одном человеке, поскольку можно делать всё что угодно, но не предполагать её; например, найти в другом тот или иной недостаток, или слабость. И когда человек без любви обнаружит это, тогда, возможно, он, как говорится, захочет убрать это, вынуть соринку[11], чтобы действительно строить любовь. Но любовь созидает. Кто много возлюбил, тому много прощено[12]; но чем совершеннее любящий предполагает любовь, тем совершеннее любовь, которою он любит наперёд. Ни в каких мирских отношениях нет таких отношений, где было бы такое же подобное для подобного, где то, что получается, так точно соответствовало бы тому, что предполагалось. Не надо возражать, не надо опираться на опыт, ибо это просто немилосердно произвольно назначать день, в который всё должно получиться так, как предполагалось. Любовь не понимает этого, она вечно уверена в исполнении

предположения; если это не так, тогда любовь на грани исчезновения.

Любовь созидает, предполагая, что она присутствует в основании; поэтому любовь созидает и там, где с человеческой точки зрения кажется, что любви нет, и где в человеческом понимании кажется в первую очередь нужно разрушить, конечно, не ради удовольствия, но ради спасения. Разрушение противоположно созиданию. Это противоречие нигде не проявляется так явно, чем в размышлении о том, что любовь созидает; ибо в каком бы отношении ни говорили о созидании, оно все равно имеет сходство с разрушением, то есть, одно что-то делает с другим. Но когда любящий созидает, то это полная противоположность разрушению, потому что любящий делает что-то с собой: он предполагает, что любовь присутствует в другом человеке – что, однако, прямо противоположно тому, чтобы делать что-то с другим человеком. Разрушение очень легко устраивает плотского человека; созидать в смысле делать что-то с другим человеком также устраивает плотского человека; но созидать, преодолевая себя, устраивает только любовь. И всё же это единственный способ созидания. Но в благонамеренном рвении разрушать и созидать забывается, что в конечном итоге ни один человек не может заложить фундамент любви в другом человеке.

Как, оказывается, сложно искусство созидания, в котором упражняется любовь и которое описано в знаменитом отрывке апостола Павла[13]; ибо то, что он говорит о любви – лишь наглядный пример того, как любовь созидает.

«Любовь долготерпит» – и этим она созидает; ибо долготерпение – это просто настойчиво предполагать, что в основании лежит любовь. Тот, кто осуждает, пусть даже медленно, тот, кто осуждает другого человека за недостаток любви, разрушает его основание – он не может строить, но любовь созидает долготерпением. Поэтому она «не завидует, ни мыслит зла», ибо зависть и злость отрицают любовь в другом человеке и тем самым уничтожают, если это возможно, основание любви. Любовь же, которая созидает, переносит непонимание другого человека, его неблагодарность, его гнев – этого уже достаточно, чтобы всё вынести; так почему же любовь должна переносить ещё и зависть, и злость! Так уж устроено всё в мире: кто несёт зависть и злость, тот не несёт чужого бремени, но любящий, который не несёт злости и зависти, он несёт бремя[14]. Каждый несёт своё бремя, завистник и любящий, в некотором смысле они оба мученики, ибо, как сказал один благочестивый человек[15]: завистник тоже мученик – но от дьявола.

«Любовь не ищет своего» – поэтому она созидает. Ибо тот, кто ищет своего, должен отбросить всё остальное, он

должен разрушить, чтобы освободить место для стороительства своего собственного. Но любовь предполагает присутствие любви в основании, поэтому она созидает.

«Она не радуется неправде», но о том, кто желает разрушить или, по крайней мере, придать себе значимости, полагая, что нужно разрушить, надо сказать, что он радуется неправде – иначе нечего было бы разрушать. Любовь же, напротив, радуется, предполагая, что она присутствует в основании, поэтому она созидает.

«Любовь всё покрывает», ибо что значит всё покрывать, то есть всё переносить? В конечном счёте это означает во всём находить любовь, предполагаемую в основании. Когда мы говорим о человеке с крепким здоровьем, что в отношении еды и питья он может переносить всё что угодно, мы имеем в виду, что его здоровый организм получает питание даже от нездоровой пищи (точно так же, как больному вредит даже здоровая пища), мы имеем в виду, что его организм питается тем, что наименее питательно. Таким образом, любовь всё покрывает, всегда предполагая, что она присутствует в основании, и тем самым созидает.

«Любовь всему верит», ибо верить всему – даже если это не кажется таковым, даже если это кажется прямо противоположным – значит как раз предполагать, что любовь при-

сутствует в основании, даже в заблуждших, даже в развращённых, даже в самых злых. Недоверие убирает основание, предполагая, что любви нет; поэтому недоверие не может созидать.

«Любовь всего надеется», но надеяться всего – даже если это не кажется таковым, даже если это кажется противоположным – значит предполагать, что любовь присутствует в основании и что она непременно проявится в ошибающихся, в заблуждающихся и даже в потерянных. Отец блудного сына[16], пожалуй, был единственным, кто не знал, что у него есть блудный сын, потому что любовь отца всего надеялась. Брат же сразу понял, что он безнадёжно потерян. Но любовь созидает; и отец вернул блудного сына только потому что он, всего надеясь, предполагал, что у сына любовь присутствовала изначально. Несмотря на распутство сына, со стороны отца не было никакого разрыва (а разрыв – это противоположность созиданию); он надеялся всего, поэтому он поистине созидал своим отцовским прощением, потому что сын очень живо осознал, что отцовская любовь претерпела вместе с ним, так что здесь не было никакого разрушения.

«Любовь всё переносит». Ибо переносить всё – значит предполагать, что любовь присутствует в основании. Когда мы говорим, что мать переносит всё непослушание своего ребенка, подразумеваем ли мы, что она, как женщина, терпе-

ливо страдает от зла? Нет, мы имеем в виду нечто другое: как мать она всегда помнит, что это ребёнок, и поэтому предполагает, что ребёнок её любит, и что скоро он покажет это. Обычно мы говорим о том, что терпение всё переносит, а не о том, что любовь всё переносит. Ибо терпение всё терпит и молчит, и если мать таким образом терпит непослушание ребёнка, то можно подумать, что мать и ребенок стали чужими друг другу. Но любовь всё переносит, терпеливо молчит, но при полном молчании предполагает, что любовь всё же присутствует в другом человеке.

Так созидает любовь. «Она не гордится, не бесчинствует, не раздражается»: она не гордится тем, что может созидать любовь в другом человеке; она не раздражается и не бесчинствует, нетерпеливо, почти безнадежно обеспокоена тем, что нужно сначала разрушить, чтобы снова созидать. Нет, она всегда предполагает присутствие любви в основании. Поэтому безусловно самое назидательное зрелище – видеть созидание любви, зрелище, которым назидаются даже ангелы, и поэтому, безусловно, самое назидательное – когда человек может рассказать о том, как созидает любовь. Есть много добрых, много благотворных, много чарующих, много захватывающих, много возвышающих, много увлекательных, много убедительных и тому подобных зрелищ; но есть только одно назидательное зрелище – видеть созидание любви. Поэтому, какие бы ужасы и мерзости вы ни видели в ми-

ре, о которых вы хотели бы забыть, потому что они разрушают вашу смелость и вашу уверенность, вызывают у вас отвращение к жизни и саму идею жизни отвратительной – просто подумайте, как созидает любовь, и вы будете назидаемы в жизни! Есть так много разных тем, на которые можно поговорить, но лишь одна назидательная: как созидает любовь. Поэтому, что бы ни случилось с вами настолько невыносимое, что вы бы пожелали никогда не родиться и чем скорее, тем лучше замолчать в смерти: просто подумайте, как созидает любовь, и вы снова будете назидаемы в разговоре. Есть только одно назидательное зрелище и только один назидательный предмет; но всё может быть сказано и сделано назидательно, ибо где назидание, там и любовь, а где любовь, там назидание, и где бы ни присутствовала любовь, она созидает.

Любовь созидает, предполагая, что она присутствует. Разве вы сами не испытывали этого, мой слушатель? Если какой-нибудь человек говорил с вами или вёл себя по отношению к вам так, что вы действительно чувствовали себя назидаемым им, то это потому, что вы довольно явно осознавали его предположение, что в вас есть любовь. Или как вы представляете себе человека, который мог бы вас действительно назидать? Не правда ли, что вы хотели бы, чтобы он обладал проницательностью и знаниями, и способностями, и опытом? Но всё же решающим вы бы считали не это, а то, будет ли он надёжным, добрым человеком, то есть поис-

тине любящим человеком. Следовательно, вы считаете, что для решительного и существенного назидания необходимо быть любящим или иметь любовь, причём такую, чтобы на неё можно было положиться.

Но что же такое любовь? Любовь – это предполагать любовь; иметь любовь – значит предполагать любовь в других, любить – значит предполагать, что другие любят. Давайте поймём друг друга. Качества, которыми может обладать человек, могут быть либо качествами для себя, даже если он использует их для других, либо качествами для других. Мудрость – это одно из качеств для себя; сила, талант, знание и т. д. также могут быть качеством для себя. Быть мудрым – не значит предполагать, что другие мудры; напротив, вполне мудро и верно, если поистине мудрый человек предполагает, что далеко не все люди мудры. Да, поскольку «мудрость» – это исключительно личное качество, ничто не мешает предположить, что мог бы жить или жил мудрец, осмелившийся сказать, что он считает всех людей неразумными. В этой мысли (быть мудрым – и предполагать, что все другие немудры) нет противоречия. В реальной жизни такое заявление было бы высокомерием, но в мысли как таковой противоречия нет. С другой стороны, если кто-то считает, что он любящий, а все остальные нет, то мы скажем: «нет, остановитесь: здесь есть противоречие в самой мысли; ибо быть любящим – значит просто подразумевать, предполагать, что дру-

гие люди любящие. Любовь – это не исключительно личное качество, но качество, благодаря которому или в котором вы являетесь для других. Конечно, в обыденной речи, когда мы перечисляем качества человека, мы говорим, что он мудрый, благоразумный, любящий – и мы не замечаем, какая разница между последним качеством и первым. Свою мудрость, свой опыт, своё понимание он оставляет для себя, даже если они приносят пользу другим; но если он поистине любящий, то он не имеет любовь в том же смысле, в каком имеет мудрость, но его любовь предполагает, что остальные из нас имеют любовь. Вы восхваляете его как любящего; вы думаете, что любовь – это присущее ему качество, и это действительно так, вы чувствуете назидание от него именно потому, что он любящий, но вы не понимаете, что это только потому, что его любовь означает, что он предполагает любовь в вас и именно этим вы назидаетесь, что именно этим любовь в вас созидает. Если бы действительно было так, что человек может быть любящим, не предполагая любви в других, то вы бы не чувствовали себя назидаемым в самом глубоком смысле, как бы несомненно ни было, что он любящий, вы бы не чувствовали себя назидаемым в самом глубоком смысле, как вы не были назидаемы в самом глубоком смысле независимо от того, насколько несомненным было то, что он мудрый, понимающий, образованный и опытный. Если бы он мог быть поистине любящим без этой предпосылки любви в других, то вы бы не могли полностью положиться на него, ибо про-

верка на надёжность у любящего именно такая: даже когда вы сомневаетесь в себе, есть ли в вас любовь, он остаётся достаточно любящим, чтобы предполагать её, или, скорее, он и есть тот любящий, который её предполагает. Но вы требовали, чтобы человек, для того, чтобы быть поистине назидательным, был поистине любящим. И быть любящим, как теперь выяснилось, означает: предполагать любовь в других. Таким образом, вы говорите абсолютно то же самое, что было сказано в нашем размышлении.

Таким образом, рассмотрение возвращается к своему началу. Созидать – значит предполагать любовь; быть любящим – значит предполагать любовь; только любовь созидает. Ибо созидать – значит строить что-то на основании, но с духовной точки зрения любовь – основание всего. Ни один человек не может заложить основание любви в сердце другого человека; но любовь – это фундамент, и можно строить только на фундаменте; следовательно, созидать можно только предполагая любовь. Уберите любовь, тогда не будет ни созидающего, ни созидаемого.

Примечания

1 В датском языке «назидать» и «созидать» [opbygge],

означающее строить вверх, возводить – это одно и то же слово. Здесь размышление строится на игре слов. В нашем переводе мы употребляем и то, и другое слово в зависимости от контекста.

2 насыщение народа] Матфея 14:13-21.

3 и «копал глубоко»] Луки 6:48.

4 «как высоко он сможет построить свою башню»] Луки 14:28 и далее.

5 «любовь не ищет своего»] 1 Кор. 13, 5

6 «все сие да будет к назиданию»] Первое послание к Коринфянам 14:26.

7 медь звучащая или кимвал звенящий] 1 Коринфянам 13:1.

8 «к назиданию»] 2 Коринфянам 12:19

9 Тот, Кто Сам есть Любовь] 1 Иоанна 4:16

10 владеющий собою лучше завоевателя города] Притчи 16:32.

11 вынуть соринку] Матфея 7:5

12 Кто много возлюбил] От Луки 7:47

13 знаменитом отрывке апостола Павла] 1 Коринфянам, 13

14 носите бремена друг друга] Галатам 6:2

15 как сказал один благочестивый человек] Авраам а Санта Клара, австрийский богослов. Смотрите Sml. Pap. VII 1. A. 41.

16 Отец блудного сына] Луки 15:11-32

Глава 2 Любовь всему верит – и всё же никогда не обманывается

«Любовь всему верит». 1 Коринфянам 8:7

«А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше», которая поэтому является основанием всего, предстоит прежде всего и пребывает, когда все остальное прекратится. Так что любовь – «наибольшая» из «них»; и есть ли что-нибудь более совершенное для сравнения любви, чем вера и надежда? Но тот, кто в смысле совершенства является наибольшим, должен обладать способностью, так сказать, взяться за дело меньших и сделать их более совершенными. В мирском смысле можно иногда быть величайшим, не будучи при этом величайшим в смысле совершенства, но это как раз и есть несовершенство мирского. Воистину верно, что величайший должен уметь делать то же, что наименьший; и это верно в отношении любви, что она может взять на себя задачи веры и надежды и сделать их более совершенными. Это мы сейчас и рассмотрим, размыш-

ляя над темой

ЛЮБОВЬ ВСЕМУ ВЕРИТ – И ВСЕ ЖЕ НИКОГДА НЕ ОБМАНЫВЕТСЯ.

Сначала мы рассмотрим, как следует понимать, что любовь всему верит, а затем – как любящий, просто веря всему, может быть защищен от любого обмана, ибо воистину, не всякий, кто всему верит, является любящим, и не всякий, кто всему верит, тем самым защищен от всякого обмана – даже вера, если она будет всему верить. И даже если кажется, что быть защищенным от всякого обмана – это благо для любви, её преимущество, то это соображение на самом деле не подходит в качестве предмета для рассмотрения в статье о деяниях любви, поскольку это не так. Быть защищенным от всякого обмана – это дело, это задача, полностью тождественная вере всему, так что одинаково можно сказать, и что любовь всему верит, и что она никогда не обманывается, так как это одно и то же; это не то, что действие – это одно, а мудрость, защищающая человека от обмана – это другое. Любовь никогда не обманывается не с точки зрения земной мудрости; ибо любить так, чтобы никогда не обманываться – это, как говорит и думает земная мудрость, самое глупое и бессмысленное, что только можно сделать, причём это оскорбление мудрости – и поэтому её можно легко признать принадлежащим по существу христианству.

Любовь всему верит. Легкомыслие, неопытность, доверчивость верят всему, что говорят; тщеславие, самонадеянность, самодовольство верят всему лестному, что говорят; зависть, злоба, развращенность верят всему дурному, что говорят; недоверие не верит вообще ничему; опыт учит, что разумно – не верить всему; но любовь верит всему.

Так что недоверие вообще ничему не верит, оно делает прямо противоположное тому, что делает любовь. Верно, что в целом недоверие теперь не пользуется уважением среди людей, но из этого вовсе не следует, что нужно безоговорочно отказаться от всякого недоверия, или безоговорочно рекомендовать любовь, которая всему верит. Скорее, как ни странно, люди предпочитают идти на компромисс, то есть разделяющий компромисс между недоверием, которое – немного любя, всё же немного доверяет, и любовью, которая – немного не доверяя, всё же испытывает то или иное подозрение. В самом деле, если кому-то захотелось бы открыть коварную тайну подозрительности, наделить её в сверхъестественных размерах ослепительным блеском разума, хитрости, изобретательности, то он мог бы соблазнить многих. Возможно, нашёлся бы кто-то такой, кто ловко дал бы нам понять, что это именно то, что он открыл – гордый своим открытием. И в противоположность этому, как это часто бывает с добром, любовь, которая всему верит, выглядела бы очень бедно, так что многие даже не осмелились бы признаться в том, что они желали бы быть такими безхит-

ростными.

В чем же заключается на самом деле коварная тайна недоверия? Это злоупотребление знанием, злоупотребление, которое без лишних слов, на одном дыхании присоединяет себя ergo к тому, что как знание является абсолютно истинным, и становится чем-то совершенно иным только тогда, когда в это знание абсурдно верят, что столь же невозможно, сколь и абсурдно, ибо никто не становится верующим в силу знания. То, что говорит или проповедует недоверие, на самом деле является просто знанием; тайна и ложь заключаются в том, что оно без дальнейших церемоний превращает это знание в веру, делая вид, будто это ничто, будто это нечто такое, на что даже не стоит обращать внимания, «поскольку каждый, кто обладает одним и тем же знанием, должен прийти к одному и тому же выводу»[1], как будто бы было вечно определённым и совершенно установленным, что если человеку даётся знание, то даётся и то, какой он сделает вывод. Обман в том, что недоверие благодаря своему знанию (ибо видимость и заблуждение в том, что оно происходит от знания), в силу присутствующего ему неверия заключает, предполагает, верит, что оно заключает, предполагает и верит, тогда как благодаря тому же знанию в силу веры можно заключать, предполагать и верить в прямо противоположное. Недоверие говорит: «Обман простирается безусловно так же далеко, как и истина, двуличие безусловно так же далеко, как и честность; не существует абсолютного критерия ни истины,

ни честности, ни искренности. Так же и в отношении любви: лицемерие, лукавство, коварство и обольщение обманчивы настолько, насколько простирается любовь; они могут так обманчиво напоминать истинную любовь, что нет абсолютного критерия, потому что с каждым выражением истины или с каждым выражением истинной любви существует возможность обмана, в точности соответствующее этому». Так и есть, так всегда и будет. Именно потому, что существование будет испытывать «вас», испытывать «вашу» любовь или имеете ли вы любовь, именно по этой причине оно ставит перед вашим разумом истину и обман в равновесие противоположных друг другу возможностей, так что теперь, когда «вы» судите, то есть когда в суждении вы делаете выбор, становится очевидным, кем вы являетесь. Увы, многие думают, что суд – это что-то по ту сторону могилы, и это правда; но они забывают, что суд гораздо ближе, что он происходит каждое мгновение, потому что существование судит вас в каждое мгновение вашей жизни, поскольку жить – значит судить самого себя, проявлять себя. По этой самой причине существование должно быть устроено так, чтобы вы с помощью подлинности знания не могли уклониться от того, чтобы проявить себя в своем суждении или в том, как вы судите. Когда обман и истина находятся в равновесии противоположных возможностей, тогда решается, что в тебе есть – недоверие или любовь. Ибо, вот, кто-то скажет: «Даже то, что кажется чистейшим чувством, всё же может быть обма-

ном» – о да, это возможно и всегда будет возможно: «ergo, я выбираю недоверие, или ничему не верить», то есть он проявляет своё недоверие.

Давайте перевернём наш вывод о том, что «истина и ложь безоговорочно одинаково далеки, так что возможно, даже то, что кажется самым низменным поведением, может быть чистой любовью» – о да, это возможно, и всегда будет возможно: ergo любящий выбирает верить всему, то есть он проявляет свою любовь. Зablуждающийся несомненно думает, что существование – довольно мутная стихия: о, даже море не так прозрачно! Поэтому, если кто-то может доказать, что не надо верить вообще ничему из-за возможности обмана, то я могу доказать, что надо верить всему – из-за возможности обмана. Если кто-нибудь думает, что не следует верить даже лучшему человеку, ибо не исключено, что он может оказаться обманщиком, то верно и обратное, что можно верить даже худшему человеку, что он добр, потому что не исключено, что его низость была лишь притворством.

Любовь – полная противоположность недоверию и всё же она основана на том же знании; в знании они, если угодно, неотличимы друг от друга (ибо знание в бесконечном смысле безразлично); только в заключении и в решении, в вере (верить всему и ничему не верить) они прямо противоположны друг другу. Ибо когда любовь, например, верит всему, это отнюдь не в том же смысле, что и легкомыслие, неопытность и доверчивость верят всему по невежеству и наивно-

сти. Нет, любовь знает вопреки кому-то, она знает всё, что знает недоверие, но не является недоверчивой; знает то, что знает опыт, но также знает, что то, что называется опытом, на самом деле является смесью недоверия и любви.

«Сколько тайного может обитать в человеке, или сколько может быть сокрыто, насколько изобретательно в сокрытии себя, в обмане или уклонении от других то сокрытое внутреннее; то внутреннее, которое предпочло бы, чтобы никто даже не догадывался о его существовании, которое стыдливо боится, чтобы его увидели и до смерти боится полностью проявиться! Разве не бывает, что один человек никогда полностью не понимает другого? Но если он полностью не понимает его, то всегда возможно, что у самого бесспорного может быть совсем другое объяснение, притом такое, которое будет истинным, так как предположение может хорошо объяснить множество случаев и тем самым подтвердить свою истинность, и всё же оказаться ложным, как только произойдет случай, который оно не сможет объяснить, а этот случай или это мало-мальски близкое определение могут прийти даже в последний момент.

«Поэтому все спокойные и в духовном смысле беспристрастные наблюдатели, которые, однако должны понимать, как проникать во внутреннее человека путем поиска и блестящего исследования, должны быть так бесконечно осторожны в своём суждении, а лучше вообще отказаться от него, потому что, обогащённые своими наблюдениями, они

достигли понимания этого таинственного мира сокрытого, и поэтому как наблюдатели научились управлять своими страстями. Только поверхностные, импульсивные, вспыльчивые люди, не знающие себя и поэтому, естественно, не знающие, что они не знают других, выносят поспешные суждения. Знающие, умные люди никогда этого не делают. Молодой неопытный человек, который раньше никогда не сидел на лошади, вскакивает на первую попавшуюся лошадь; но сильный и опытный всадник – обратите внимание, как внимательно он рассматривает незнакомую лошадь, прежде чем взобраться на неё, как неуверенно и осторожно он действует, как едва ли даже осмеливается оседлать её, а сначала пускает её вскачь, чтобы исследовать ее нрав; а с другой стороны, как долго он испытывает её, долго, долго после того, как неопытный всадник бросил это занятие. Ибо неопытный всадник, не разбирающийся в лошадях, считает, что «одна лошадь похожа на другую, ergo, я знаю их всех», только опытный всадник хорошо понимает, насколько велика может быть разница, как можно ошибиться в лошади самыми разными и самыми противоречивыми способами и насколько ненадежны все характеристики, потому что каждая лошадь имеет свои особенности. А теперь различие между человеком и человеком! Какая бесконечность! Если бы это было не так, то человечество было бы обесценено, ибо превосходство человека над животными – это не только в том, о чём чаще всего говорят – в общечеловеческом, но и в том, о чём чаще всего забыва-

ют – что каждый индивид в пределах рода существенно отличается от других и является особенным. И это превосходство действительно является истинным превосходством человека; первое превосходство – это родовое превосходство над видами животных. Впрочем, если бы не было так, что один честный, искренний, благородный и благочестивый человек может при тех же обстоятельствах делать прямо противоположное тому, что делает другой такой же честный, искренний, благородный и благочестивый человек, тогда отношений с Богом не существовало бы по существу, не существовало бы в самом глубоком смысле. Если бы можно было с абсолютной истиной судить каждого человека по общему заданному стандарту, то отношения с Богом были бы по существу упразднены; тогда все было бы обращено вовне, всё оказалось бы полностью языческим в государственной и общественной жизни; тогда жизнь стала бы слишком легкой, но и очень пустой; тогда не были бы возможны или необходимы ни личные усилия, ни самоуглубление, что в тяжелейшей схватке бесконечного непонимания и есть именно то, что развивает в человеке отношения с Богом».

Можете ли вы сказать, кто это говорит? Нет, это невозможно; это нельзя определить; с равным успехом это мог бы сказать и самый недоверчивый и самый любящий человек, обладающий знанием. Это не скажет ни один человек; это произнесено сверхчеловечески; это звук, который впервые становится членраздельным благодаря вдохновению различ-

ных личностей, которые произносят его, добавляя к нему голос. Это знание, а знание как таковое безлично и должно передаваться безлично. Знание переводит всё в возможность и в этой степени находится вне реальности существования в возможности; только с ego, с веры индивид начинает свою жизнь. Но большинство людей просто не замечает, что, так или иначе, каждое мгновение они живут в силу ego, веры – настолько беспечно они живут. В знании нет решения; решение, личностное определение и решительность – есть только в ego, в вере.

Знание – это бесконечное искусство двусмысленности, или бесконечная двусмысленность, в высшей степени оно состоит в том, чтобы привести в равновесие противоположные возможности. Уметь это делать – значит быть знающим, и только тот, кто знает, как привести в равновесие эти противоположные возможности, только тот передаёт знание. Заявлять о том, что в знании есть решение, и в решении есть знание – нелепость, которая действительно в наше время стала – да, нелепость есть и остается, но в наши времена она стала поистине глубокой, истинной глубиной глубокой мысли. Знание – не есть недоверие, ибо знание бесконечно объективно; это бесконечная равная действительность в равновесии. Знание – не есть любовь, ибо знание бесконечно объективно, бесконечная равная действительность в равновесии; знание – не есть порок, поскольку оно есть бесконечная равная действительность. Недоверчивый и любящий имеют об-

щее знание, ни недоверчивый от этого знания не становится недоверчивым, ни любящий от этого знания не становится любящим. Но когда это знание в человеке уравнивает противоположные возможности, и он собирается или желает вынести решение, тогда становится очевидным, во что он верит, кто он – недоверчивый или любящий. Только крайне сбитые с толку и заурядные люди думают судить о другом человеке на основании знания. Это происходит потому, что они даже не знают, что такое знание; потому что они никогда не тратили времени и усилий на то, чтобы понять бесконечный, объективный смысл возможностей; или искусством бесконечной двусмысленности принять возможности и привести их в равновесие; или ясно понять их. В каком-то состоянии брожения они самонадеянно и страстно отдают предпочтение определённым видам возможностей; достаточно немного, и они судят, называя это суждением в силу знания; и думают, самоуспокаиваясь тем самым, что верят – в силу знания (простое противоречие), и что застрахованы от ошибок – что было бы ограничением веры (новое противоречие).

Нередко можно услышать, как люди очень боятся совершить ошибку в суждении. Но если внимательнее прислушаться к тому, что говорится, то, увы, этот серьёзный страх оказывается печальным недоразумением. Посмотрите на этого благородного, простого, мудрого человека древности; он стал тем, кем стал – да, он не стал великим – ни ве-

ликим человеком с деньгами, ни высокопоставленным государственным деятелем в этом лучшем из миров. Обнищавший, презираемый, осмеянный, обвиненный, осужденный, он стал благородным, простым, мудрецом, редким, едва ли не единственным, кто действительно различал то, что он понимал, и то, чего не понимал; и он стал таким именно потому, что «больше всего боялся ошибиться»[2].

Интересно, на самом деле думают ли люди об этой возвышенности мысли, об этом возвышенном равновесии, когда боятся ошибиться в суждении? Возможно. Но не исключено, что страх иногда бывает несколько односторонним. У всех людей есть естественный страх совершить ошибку – слишком хорошо думать о человеке. Другая же ошибка – слишком плохо думать о другом человеке, возможно, менее страшна, по крайней мере, по сравнению с первой. Но если мы больше всего боимся не ошибиться, то мы, наоборот, ошибаемся из-за одностороннего страха перед определенным родом ошибкой. Это оскорбляет наше тщеславие и гордость – слишком хорошо думать о мошеннике, быть настолько глупым, чтобы верить ему – ибо это состязание разума с разумом. Человек досадует на себя или обнаруживает, что (да, мы так говорим, и это, конечно, мало помогает, или, скорее, это обман, если использовать более возвышенные и необычные выражения в назидательной речи), что «так глупо» быть дураком. Но не кажется ли нам столь же глупым, мягко говоря, верить злу или подозрительно не верить ничему там, где есть

добро! Интересно, не окажется ли когда-нибудь в вечности это нечто большим, чем «глупость»; ибо давайте воспользуемся словом, обычно употребляемым в мире, оно так хорошо применимо в отношении к вечности! Но здесь, в мире, не «глупо» думать злое о добром человеке; ибо это превосходство, благодаря которому добро легко отбрасывается; но «глупо» думать доброе о злом человеке, вот почему человек защищает себя – так как очень боится оказаться в заблуждении. Любящий, с другой стороны, поистине боится ошибиться, поэтому он верит всему.

Мир искушает разными способами, в том числе и тем, что создаёт видимость того, что так ограниченно, так глупо с любовью верить всему. Но это недоразумение. «Любовь» перечёркивают (увы, вместо того, чтобы подчёркивать!), и так делается акцент на том, что «глупость верит всему»; вместо того, чтобы делать акцент на том, что «любовь» верит всему. Воистину, не знание оскверняет человека, отнюдь; знание подобно чистой прозрачности, именно тогда оно самое совершенное и чистейшее; как совершенство воды в том, когда она не имеет вкуса. Слуга правосудия не оскверняется из-за того, что он лучше преступника знает обо всех интригах. Нет, не знание оскверняет человека; а недоверие оскверняет знание человека, точно так же как любовь очищает его.

Что касается осуждения другого человека, знание приводит самое большее к уравниванию противоположных возможностей – и тогда различие проявляется в том, какое

решение принято. Ибо Писание предостерегает от осуждения и добавляет: «да не судимы будете»^{3]}, так что кажется, что иногда можно судить и не быть судимым. Но это не так. Как только вы судите другого человека или осуждаете его – вы судите самого себя, поскольку судить другого – это, в конечном счете, просто судить себя или проявляться, кто вы есть. Вы можете не замечать этого, от вас ускользает, насколько серьезно существование, как, показывая вам всех этих многочисленных людей, оно как бы дает вам повод осуждать, так что вы даже считаете себя счастливым, что вы находитесь среди тех – незаслуженно счастливо облагодетельствованных, которые являются никем, и поэтому в полной беззаботности выполняют удобную задачу осуждать других; и тогда именно существование достаточно учтиво или строго, чтобы не считать вас никем; тогда именно существование судит вас. Как жаждет человек судить – если бы он знал, что значит судить, – каким бы медлительным он был! Как охотно он хватается хоть за малейшую мелочь, чтобы получить возможность судить – эту возможность заманить себя в ловушку! Благодаря знанию можно достичь равновесия только тогда, когда искусство отработано до совершенства; но заключение возвращается к личности судьи и делает очевидным – что он является любящим, ибо он решает: ergo я верю всему.

С другой стороны, недоверие (естественно, не через своё знание, которое бесконечно безразлично, а через самого се-

бя, через свое неверие) отдаёт предпочтение злу. Вообще ничему не верить – это именно та граница, которая начинается с веры во зло; ибо добро, конечно – объект веры, и поэтому тот, кто ничему не верит, начал верить злу. Вообще ничему не верить – начало зла, ибо оно показывает, что в человеке нет добра, так как вера – это именно то добро в человеке, которому не нужно ни большое знание, ни его отсутствие, потому что знание безразлично. Недоверие не может удерживать знание в равновесии, оно оскверняет это знание и потому приближается к зависти, злобе, пороку, которые верят всему злу.

Но что если тот, кто так жаждал судить, излить своё негодование, своё сильное или бессильное негодование на другого, не зная, о чём он судит, что, если в вечности он обнаружит и будет вынужден признать, что тот, кого он осуждал, был не только оправдан, но что он был самым благородным, самым бескорыстным и самым возвышенным человеком! Некто сказал, что когда-нибудь в вечности (при условии, что мы сами попадём туда) мы с удивлением увидим, что там нет того или иного человека, которого мы так ожидали там встретить. Но интересно, не увидим ли мы там с удивлением того или иного, кого мы без церемоний бы исключили, и не увидим ли, что он был гораздо лучше нас, не потому, что он стал таким позже, но именно в связи с тем, что заставило осуждающего исключить его. Но любящий верит всему. С блаженной радостью изумления он однажды увидит, что

был прав, и если он ошибся, веря в добро – то вера в добро сама по себе есть блаженство. С любовью верить в добро – это, конечно, не ошибка, но человек совершает ошибку, не делая этого.

С недоверием не верить вообще ничему (что совершенно отличается от знания о равновесии противоположных возможностей) и с любовью верить всему, таким образом – не знание и не вывод на основе знания, а выбор, который происходит именно тогда, когда знание уравнивает противоположные возможности; и в этом выборе, который безусловно принимает форму суждения о других, проявляется тот, кто судит. По легкомыслию, неопытности, простоте всему верить – это понимание, глупое понимание; с любовью всему верить – это выбор благодаря любви. Вместо того чтобы, как это делает недоверие, использовать свою проницательность, чтобы защитить себя, не веря ничему, любовь использует свою проницательность, чтобы обнаружить то же самое, что обман и истина безусловно простираются одинаково далеко, и тогда она решает благодаря вере, которую она имеет в себе: ergo я верю всему.

Любовь всему верит, и всё же никогда не обманывается. Чудесно! Кажется, что это разумно – не верить вообще ничему из страха быть обманутым, ибо как можно обмануть того, кто вообще ничему не верит? Но верить всему и, таким образом, приносить себя в жертву всякому обману и всякому обманщику и тем самым бесконечно защитить себя от вся-

кого обмана – вот что странно. И всё же, даже если человек не обманывается другими, не обманывается ли он самим собой, более ужасно обманывается, вообще ничему не веря; не обманывается ли он ради высшего, ради блаженства преданности и любви! Нет, есть только один способ уберечься от обмана – с любовью верить всему.

Скажем так: может ли человек обмануть Бога? Нет, по отношению к Богу человек может обманывать только самого себя, ибо отношение с Богом есть высшее благо, так что обманывающий Бога самым ужасным образом обманывает самого себя. Или возьмём отношения между человеком и человеком. Может ли ребенок обмануть родителей? Нет, ребенок обманывает сам себя; это только видимость (то есть иллюзия), недальновидный обман, что ребёнку и тому, кто понимает не больше, чем ребёнок, кажется, будто ребёнок обманул своих родителей, в то время как, увы! бедный ребёнок на самом деле обманул самого себя. Разумно предположить, что родители настолько превосходят ребёнка в мудрости и проницательности, а значит, и в истинной любви к ребёнку, который слабо понимает, как любить себя, что обмануть родителей было бы для ребёнка величайшим несчастьем, которое только могло бы случиться, величайшим несчастьем, если бы он сам не был в этом виноват. Но тогда, поистине, обмануты не родители, а, наоборот, ребёнок, и это видимость (иллюзия), что ребёнок обманул родителей; в детском и глупом смысле этого слова получается, что ребёнок обманул ро-

дителей, но это не верно, потому что верно только в «детском и глупом смысле». С другой стороны, разве не жалкое и отвратительное зрелище – видеть отца или мать, у которых по отношению к ребёнку не было бы истинного, серьёзного, заинтересованного представления о своём превосходстве, основанного на вечной ответственности искреннего желания лучшего для своего ребёнка? Разве не жалкое и отвратительное зрелище – видеть отца или мать, которые могли бы опуститься до неподобающих ссор с ребенком, раздражаться и возмущаться из-за того, что они по-детски считают, что ребёнок их обманывает? Такие отношения между родителями и ребёнком, действительно, недопустимы, даже почти безумны, как будто бить ребёнка означало быть битым ребёнком, таким образом, отбросив всякое достоинство, превосходство и законный авторитет, лишь доказать, что отец или мать были физически сильнее.

Итак, истинное превосходство никогда не может обманываться, если оно остается истинным по отношению к самому себе. Но истинная любовь по отношению ко всему, что не является любовью, то есть, по отношению к любому обману, является безусловным превосходством: поэтому она никогда не может обманываться, если, веря всему, она остается истинной по отношению к самой себе или остается истинной любовью.

Это действительно очень легко понять; но трудность в другом – в том, что существует низший круг понятий, ко-

торый не имеет представления, что такое истинная любовь, что такое любовь сама по себе и что такое блаженство само по себе; трудность в том, что великое множество ложных представлений удерживают человека в низшем круге понятий, где обманывать и быть обманутым означают прямо противоположное тому, что они означают в бесконечном понятии любви. В этом смысле это понятие означает, что возможность обмана в том, чтобы воздерживаться от любви, в том, чтобы отказаться от самой любви и тем самым потерять её блаженство. Ибо в смысле бесконечности возможен только один обман – самообман; бесконечность говорит – не бойтесь убивающих тело; быть убитым – с точки зрения бесконечности не опасность, как не опасен и тот обман, о котором говорит мир. И это опять же нетрудно понять. Трудность в том, чтобы выполнить задачу в получении истинного представления о любви или, вернее, стать истинно любящим, ибо, веря всему, он защищает себя от обмана и борется за то, чтобы сохранить себя в истинной любви. Но обман будет постоянно действовать, как иллюзия, будто солнце вращается вокруг земли, хотя известно, что вращается земля.

Есть низшее представление о любви, то есть, низшая любовь, которая не имеет понятия о любви как таковой. В нём любовь рассматривается как требование (взаимность – это требование), и быть любимым (взаимность) – как земное благо, как временное – увы, но высшее блаженство. Да, если это так, обман должен сыграть роль хозяина, как и в ми-

ре денег. Вы отдаёте деньги, чтобы купить то или иное удобство; вы отдали деньги, но удобства не получили, что ж, значит, вас обманули. Человек превращает любовь в сделку; он отдаёт свою любовь, но взамен любви не получает – значит, его обманули. Обман может состоять и в том, что обманщик завоевал любовь обманутого так, что тот не может не любить его, потому что он настолько любящий, что может любить только одного-единственного человека, и этот человек – обманщик. Это размышление не отрицает, что любящий был обманут, или что обманщик был, да, что он был гнусным обманщиком; но оно отрицает, что этот любящий был истинно любящим. Ибо тот, кто настолько сильно любящий, что может любить только одного-единственного человека, не истинно любящий, но влюблённый, а влюблённый – это самовлюблённый человек, как было показано ранее. Но то, что можно обмануть самовлюбленного, дискурс никогда не отрицал.

Здесь, как и везде в существовании, есть нечто очень глубокое. Иногда мы слышим эти громкие жалобы на то, что вас обманули в любви. Обвинитель желает доказать, насколько редкий любящий он сам, а потом ещё и то, насколько необычайно хитёр обманщик, и он доказывает это, заявляя, что может и умеет любить только одного человека. Он не замечает, что чем яростнее это обвинение, тем больше оно превращается в самообвинение, обличающим его в том, что он был и остается самовлюблённым человеком, о котором впол-

не справедливо можно сказать, что он может любить только одного (ибо истинно любящий любит всех и не требует взаимности), и поэтому он действительно может быть обманут, но истинный любящий не может быть обманут. То есть тот, кто принципиально и решительно заявляет, что он был настолько обманулся в любви, что потерял самое лучшее, не говоря уже обо всём, тем самым заявляет, что он любит себя; ибо самое лучшее – это любовь сама по себе, и её всегда можно сохранить, если желаешь быть истинно любящим. Поэтому тот, кто хочет иметь только низшее, обманчивое представление о любви, очень старается, чтобы его не обманули; он узнаёт у предпринимателей или у торговцев, какие меры предосторожности они применяют против мошенников. Но увы, несмотря на все эти меры предосторожности, даже если бы ему удалось с их помощью защититься от всякого обмана, он и все единомышленники всё же по существу обманываются, живя в том мире, который обманывает, в мире, в котором все по существу обманываются, независимо от того, жалуется ли один на то, что его обманули, хвастается ли другой, что его не обманули. Разница между ними не больше, чем в сумасшедшем доме, если бы один из пациентов воображал себя не таким сумасшедшим, как другой, в то время как все они были по сути сумасшедшими.

Низшее представление и обман любви, к которым люди прибегают в своих делах и служении – это искушение; трудность только в том, чтобы уберечься от него; ибо в спокой-

ный момент достаточно легко убедиться, что не может обманываться истинно любящий, который верит всему. «Но все же так стыдно быть обманутым». Если бы вы сами были истинно любящими, который всему верит, тогда ты действительно увидели бы, что это невозможно, увидели бы, что вы не обмануты. Но разве есть ли что-то постыдное в том, что вы сами знаете, что вы не обмануты? «Но это так стыдно, что должно казаться таковым и другим». Видите, вот в чем обман. Знать в самом себе и в истине, что вы не обмануты, и при этом смущаться, что вы кажетесь обманутым – как это называется? Мы называем это тщеславием или, что здесь то же самое, мы называем это: не быть истинным любящим. Увы, и если бы тщеславие смогло взять власть над истинно любящим, то он наверняка был бы обманут, ибо тогда оно увлекло бы его от любви вниз, в низменный мир мелочности и ссор, где обманывают и обманываются, тщеславясь тем, что может обманывать других, стыдясь того, что его обманывают, и поэтому тщеславясь тем, что может избежать этого.

Когда мы видим истинного любящего, обманутого хитрым, коварным и лицемерным, мы возмущаемся, но почему? Иногда потому, что во внешнем не видим наказания и возмездия; то есть потому, что требуем удовлетворения в несовершенном и внешнем, где возмездие – во внешнем; опять же потому, что мы погружаемся на низший уровень представлений, и потому, что мы лениво и бездумно забываем, что истинно любящий не может быть обманут. Мы правы,

когда взываем к тому, кто сбивает с пути слепого; здесь вполне уместно требовать наказание во внешнем; ибо слепого можно обмануть; слепой не защищен от всякого обмана; но истинно любящий, который верит всему, не может быть обманут. В определенном смысле любящий человек очень хорошо знает, что его обманывают, но, не желая верить этому, или веря всему, он сохраняет себя в любви и таким образом не обманывается – следовательно, здесь можно увидеть пример того, насколько глупо, насколько неразумно думать, что знание выше веры; ибо главное, что защищает от обмана любящего, который в определенном смысле знает, что его обманывают – это верить всему.

Истинно верующего, который верит всему, нельзя обмануть, ибо обмануть его – значит обмануть самого себя. Ибо что есть высшее благо и величайшее блаженство? Воистину, это, безусловно, любить; и ещё, быть поистине любимым. Но тогда невозможно обмануть любящего, который просто веря всему, пребывает в любви. Если бы можно было обмануть кого-либо с деньгами так, чтобы так называемый обманутый остался при своих деньгах, то был ли он обманут? Но в данном случае это именно так. Обманщик своими стараниями становится презренным человеком, а любящий сохраняет себя в любви, и в любви становится обладателем высшего блага и величайшего блаженства; и при этом не обманывается! Обманщик же, напротив, обманывает самого себя. Он не любит и тем самым уже обманул себя в отношении выс-

шего блага и величайшего блаженства. Наряду с этим следует быть любимым тем, кто любит поистине – в противном случае быть любимым может обернуться для него большим несчастьем. И снова обманщик обманывает самого себя, поскольку он мешает себе получить истинное преимущество от этой любви, и поскольку, когда его обман обнаружится, он увидит, что растратил любовь другого человека, сделал любящего несчастным, перестав поистине любить – вместо того, чтобы веря всему, пребывать в любви, защищенный от всякого обмана.

Пусть это когда-нибудь случится на наших глазах, чтобы стало действительно ясно, как жалко выглядит обманщик по сравнению с истинно любящим – ибо так много говорят об обольщении и обольстителях, об обмане и обманщиках, но так редко говорят или представляют истинно любящего. Итак, я представляю себе человека хитрого, коварного, лицемерного; мне доставляет удовольствие наделять его, посвященного во все тайны обмана, всеми дарами обольщения. Что же он сделает теперь? Он желает обмануть любящего; он желает (ибо, несмотря на свою испорченность, у него достаточно здравого смысла, чтобы понять, какое великое благо быть любимым) с помощью своей хитрости добьется того, что его полюбят. Но к чему вся эта суэта, эта совершенно излишняя трата хитрости и коварства? Он хочет обмануть истинно любящего, но истинно любящий любит всех, поэтому обманщику гораздо легче добиться того, чтобы его люби-

ли. Да, если бы мы говорили о земной любви (любви к себе), то в обмане был бы хоть какой-то смысл; ибо возлюбленный может любить только одного-единственного человека, и теперь речь идёт о том, чтобы с помощью обманчивого искусства хитрости и коварства стать этим единственным человеком. Но по отношению к истинно любящему обман с самого начала совершенно бессмыслен, обманщик с самого начала предстает в самом жалком свете. Теперь далее. Обманщику, естественно, удастся быть любимым, естественно – да, обманщик думает и должен, естественно, думать, что это благодаря его хитрости, искусству и ловкости; бедный, обманутый обманщик! Он не замечает, что имеет дело с истинно любящим, который любит его, потому что истинно любящий любит всех. В какую же бессмысленность попал теперь несчастный обманщик! Не так, если бы обман не удался; нет, это наказание было бы слишком легким; нет, обман удался, и обманщик гордится своим обманом! Но в чём же обман, о каком обмане он говорит? Конечно, обман в том, что, пока любящий любит его, он не только наслаждается тем, что его любят, но и холодно, гордо и насмешливо наслаждается самодовольством от того, что не любит в ответ. От него вполне естественно ускользает (ибо как обманщик может понять, что истинная любовь существует!), что он имеет дело с истинно любящим, который любит, не претендуя на взаимность, и более того, справедливо оценивает любовь и ее вечное блаженство, не требуя взаимности. Итак, обманщик хит-

ростью заставил любящего полюбить его – но именно этого он так бесконечно желает. Обманщик, безусловно, обманул его, не отвечая взаимностью – но истинно любящий считает требование взаимности осквернением, унижением, а любовь без ответной награды – высшим блаженством. Кто же тогда тот, кого обманули? О каком обмане идёт речь? Ибо обманщик говорит наугад и сам не знает, что говорит, как тот человек, над которым мы все смеялись, что он лежал в канаве и думал, что едет. Обманывать таким образом – разве это не то же, что называть воровством класть деньги в карман человека? Истинно любящий становится богаче; ибо чем больше он любит и чем больше он отдаёт любовь, отказываясь от всякой мысли о взаимности, тем богаче он становится. Или же истинно любящий обманут, если не раскроется, каким недостойным объектом любви является обманщик? Любить – высшее благо, но только тогда требующая воздаяния любовь, то есть любовь неистинная, может быть обманута, если она остаётся в неведении о недостойности объекта.

Или истинный любящий обманут, если выяснится, каким недостойным объектом любви был и есть обманщик? Любить – это высшее благо и величайшее блаженство. Вы знаете, что нуждающийся в деньгах, желая получить их, обращается к человеку, которому он доверял и у которого думал, что есть деньги: он обманывается, если этот человек неплатежеспособен и у него нет денег. Но тот, кто отдаёт свои деньги и никоим образом не желает или не требует возврата, не

обманывается – потому что у получателя нет денег. Но хитрый обманщик, движимый самыми гибкими и лестными мотивами хитрости, не замечает, как неуклюже он себя ведёт. Он считает себя выше, он самодовольно улыбается про себя (увы, как если бы вы видели самодовольную улыбку безумца, над которой можно и смеяться, и плакать!); он и не подозревает, что любящий бесконечно выше. Обманщик ослеплён, он даже не замечает своего страшного бессилия: его обман удался – и он делает доброе дело; его обман удался – и он делает истинно любящего еще богаче; его обман удался, он преуспевает – и все же обманут только он сам. Бедный обманутый! Даже этот путь к спасению отрезан от него, что его обман терпит неудачу! Если бы сумасшедший захотел убедить здравомыслящего человека в правильности своих безумных мыслей и в какой-то степени добивается успеха, то не является ли это самым ужасным из всего, не является ли это почти жестокостью существования, ибо если бы это не удалось, тогда безумный мог бы осознать, что он безумен; но теперь это скрыто от него, и его безумие действительно неизлечимо. Так и с обманщиком; но это не жестокое, но справедливое наказание для него за то, что его обман удался – и в этом его погибель.

В чем же тогда истинный спор между обманщиком и любящим? Обманщик желает обманом выманить любовь у любящего. Это невозможно; истинно любящий, не требуя ни малейшей взаимности, занял неприступную позицию. Обма-

нуть его в любви возможно не более, чем обхитрить человека в деньгах, которые он отдаёт ему в подарок. Поэтому на самом деле спор идет о другом: возможно ли, чтобы обманщик (о чём он ни в коем случае не собирается и не думает), стал причиной падения любящего, так что тот отпал от любви и погрузился в мир иллюзий, в детский спор с обманщиком, потому что любящий отказался от любви, которая любит, не требуя взаимности. Однако истинно любящий оберегает себя от этого тем, что верит всему, а значит, любит обманщика. Если бы обманщик мог понять это, он потерял бы рассудок. Земной любящий (любящий себя) считает себя обманутым, когда обманщик заставил его полюбить себя, а сам больше не любит, но истинно любящий считает себя спасённым, когда веря всему, ему удаётся полюбить обманщика; земной любящий считает несчастьем продолжать любить обманщика, истинный любящий считает победой, если ему удаётся продолжать любить обманщика. Замечательно! Обманщик должен всё более и более тщеславиться тем, что его обман столь необычайно успешен; в конце концов это, вероятно, закончится тем, что он будет считать любящего бедным, недалёким, глупым негодяем. И все же, тем не менее, именно благодаря этому истинно любящий вечно и бесконечно защищен от обмана! Знаете ли вы, мой слушатель, более сильное выражение превосходства, чем то, когда превосходящий выглядит как более слабый? Ибо более сильный, который выглядит более сильным, устанавливает

стандарт превосходства; но тот, кто, будучи более сильным, выглядит более слабым, отказывается от стандарта и сравнения, то есть он бесконечно выше. Разве вы никогда в жизни не видели этого отношения бесконечного превосходства, которое, безусловно, явно нельзя увидеть, ибо бесконечное никогда нельзя увидеть непосредственно? Возьмите человека, который бесконечно превосходит других в интеллекте, и вы увидите, что он выглядит как простой, обычный человек; только тот, кто думает, что у него больше интеллекта, чем у других, но не вполне уверен в этом, или настолько ограничен и глуп, чтобы хвастаться сравнительными отношениями превосходства, старается создать видимость превосходства интеллекта.

Так и с любящим, который верит всему. Его так легко можно принять за ограниченного, но в этой простоте – глубина мудрости; его так легко можно принять за слабого, но в этом бессилии – сила вечности; он так легко может казаться бедным, одиноким человеком, которого может обмануть каждый; и все же он единственный, кто вечно и бесконечно защищён от обмана. Но мы не видим этого; говоря по-человечески, заблуждение довольно близко, особенно в наше мудрое время, которое стало слишком мудрым, чтобы верить в мудрость. Заблуждение близко, потому что любящий, который верит всему, не проявляется сразу, он подобен тем растениям, чей рост происходит втайне: он дышит Богом, он черпает питание для своей любви от Бога, он укреп-

ляется Богом. То, что в человеческом понимании он обманут, он в определённом смысле видит и сам; но он знает, что обман и истина простираются одинаково далеко, и что всё же возможно, что обманщик не был обманщиком, и поэтому он всему верит. Кроме этого, любящий обладает мужеством, мужеством верить всему (поистине высочайшее мужество!), мужеством переносить презрение и пренебрежение мира (поистине величайшая победа, больше, чем любая, одержанная в мире, ибо она побеждает мир!), мужество переносить, что мир находит его столь неописуемо глупым, тогда как он всё же прекрасно понимает то, из чего он делает своё заключение, но не своё заключение, так же как недоверчивый мир может понять вечное блаженство, которое имеет в себе истинно любящий.

Предположим однако, что однажды в вечности окажется, что любящий действительно был обманут! Как – неужели это нужно повторять ещё раз? Когда любовь – наивысшее благо и величайшее блаженство, когда любящий, просто веря всему, пребывает в блаженстве любви, как же тогда, во времени или в вечности, он может быть обманут? Нет, нет, во времени и в вечности в отношении истинной любви возможен только один обман – самообман, или отказ от любви. Поэтому истинный любящий даже не поймет возражения. Увы, но остальным, напротив, сделать это слишком легко; ибо так трудно вырваться из низшего круга идей и завета мирских страстей с иллюзиями. Именно тогда, когда чело-

век лучше всего понял истинное, старое вдруг вновь настаивает его. Бесконечное, вечное, то есть истинное, настолько чуждо естественному человеку, что он подобен собаке, которая на мгновение может научиться ходить на двух лапах, но постоянно однако стремится идти на всех четырёх. Можно почти заставить разум человека признать, что, поскольку обман распространяется безоговорочно так же далеко, как и истина, один человек не может судить другого, но судящий только проявляет себя – подобно тому, как человек со всей силы ударяет по динамометру и, не зная, что это динамометр, думает, что наносит удар, а на самом деле только измеряется его сила. И когда человек это понимает, он может найти ещё одну отговорку; может странным образом держаться вечности, рассчитывая, что в вечности проявится, действительно ли он был обманщиком. Но что это доказывает? Это доказывает, что не является истинно любящим ни тот, кто не имеет в себе вечное блаженство любви, ни тот, кто не имеет истинное представление о серьёзности вечности. Если человек поддаётся этому порыву, то он немедленно увлекает его на низший уровень ограниченности, где последняя и высшая цель – не блаженство самой любви, но споры софистики. Но истинно любящий всему верит – и всё же никогда не обманывается.

1 «поскольку каждый, кто обладает этим знанием, так же должен думать»] Филлиппийцам 3:15

2 «боялся больше всего»] Сократ. Платон, Апология, 29.

3 «не судите, да не судимы будете»] Матфея 7:1.

Глава 3 Любовь всего надеется – и всё же никогда не постыдится

«Любовь всего надеется». 1 Кор. 8:7

Множеством притч и символов речи Священное Писание пытается различными способами придать нашему земному существованию достоинство и торжественность; дать ему обрести воздух и перспективу через взаимоотношения с вечным. И это действительно необходимо. Ибо когда оставленная Богом суeta земной жизни замуровывается в гордом самодовольстве, этот спёртый воздух сам по себе вырабатывает яд. И когда в нашем временном существовании время в определённом смысле ползёт так медленно, и в то же время так неуловимо быстро, что мы никогда не замечаем его течения; или когда мгновение замирает и останавливается; когда всё, абсолютно всё сговаривается обратить наши мысли и нашу энергию в служение мгновению: тогда перспектива теряется, и это отрешённое, оставленное Богом мгновение временного существования, будь оно длиннее или короче, означает отпадение от вечного. Вот почему так часто в разные времена ощущалась потребность в освежающем, вдохновляющем, бодрящем дуновении, мощном порыве ветра,

способном очистить воздух и рассеять ядовитые испарения; потребность в спасительном движении великих событий, которые спасают, взбудораживая застой; потребность в оживляющей перспективе великого ожидания – чтобы не задохнуться в мирском и не погибнуть в этом удушающем мгновении!

Но христианство знает только один путь и один выход, причём оно всегда знает путь и выход; именно с помощью вечности христианство в любой момент может получить воздух и видение. Когда суэта усиливается именно потому, что мгновение растягивается, когда она стремительно мечется в мгновении, которое в понимании вечности стоит на месте, когда труженики сеют, и жнут, и снова сеют, и снова жнут (ибо суэта пожинает многократно), когда труженики наполняют свои житницы собранным урожаем и заслуженно почивают – тогда как увы! человек, поистине желающий добра в течении того же времени не видит ни малейшей награды за свой труд, и он становится посмешищем, как тот, кто не умеет сеять, как тот, чей труд напрасен и кто только сотрясает воздух: тогда христианство своей притчей дает видение, что земная жизнь – время сеяния, а вечность – время жатвы. Когда мгновение, именно потому, что оно стоит на месте, становится похоже на вихрь (ибо вихрь не движется вперед), когда в нём происходят борьба, победа, поражение, и снова победа, то в одной, то в другой точке – но тот, кто воистину желает добра, он единственный теряет, и теряет, как

кажется, всё: тогда христианство притчей даёт видение, что эта жизнь – время скорби, борьбы, вечность – время победы. Когда мгновение замирает в жалком сплетении ограниченности, которое, тем не менее, насмешливо подражает самому святому, доброму, истинному в жалком уменьшении, насмешливо играет в раздачу чести и позора; когда все становится тщетным, будучи втянутым в эту жалкую запутанную суматоху: тогда христианство даёт воздух и видение, и жизни придаёт торжественность и праздничность, образно указывая ту сцену в вечности, где будет навечно решаться, кто получил венец славы, а кто был предан позору.

Какой торжественно-серьёзный праздник! Воистину, что такое честь и позор, если окружение не придаёт чести и позору бесконечный смысл? Даже если бы человек заслуженно удостоился чести здесь, в мире, какую серьёзность должен иметь мир, чтобы придавать этому значение! Предположим, что ученик заслуженно опозорен или заслуженно удостоен почестей; если бы торжественная церемония проходила на лестнице; если бы учитель, раздающий честь и позор, был жалким человеком; если бы никто или почти никто не был приглашён из тех высокопоставленных лиц, которые почтили бы праздник своим присутствием, но только ещё большее число простых людей, чья репутация была, мягко говоря, двусмысленной: что же тогда честь и позор? Но вечность! Знаете ли вы хоть один зал торжеств, чьи своды столь же величественны, как своды вечности? Знаете ли вы хоть

один, хоть один дом Божий, где царит такая священная тишина, как тишина вечности? Знаете ли вы хоть один, хоть один самый избранный круг почтенных людей, которые были бы настолько уверены, что здесь нет никого, против кого честь могла бы иметь хоть малейшее, самое малое возражение, настолько уверены, что здесь нет никого, кроме тех, кого честь почитает, как вечность? Знаете ли вы хоть один зал торжеств, хотя бы он был и с зеркальными стенами[1], который бы так бесконечно и исключительно соответствовал требованиям чести, который бы так бесконечно не допускал бы даже самый маленький, самый незаметный зазор, в котором может спрятаться бесчестье, как вечность? – и если вас там выставят на позор!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.